doi.org/10.31912/rjano-2022.2.6

В. В. ГЛЕБКИН

Школа актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук РАНХиГС
Школа № 1514 г. Москвы
gleb1514@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА *АВОСЬ* В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Хотя различные аспекты семантической структуры и употребления дискурсивного слова *авось* и производных конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, давно привлекают внимание лингвистов, его семантическая история и, в частности, история превращения *авось* в лингвоспецифичное слово, отражающее особенности «менталитета русского человека», остается во многом неясной. Данная статья обращается к раннему периоду этой истории. Автор подробно останавливается на появлении первых интерпретаций слова. В статье показано, что заметное влияние на трансформацию семантической структуры слова *авось* оказало одноименное стихотворение Ивана Михайловича Долгорукова, вызвавшее ряд подражаний и повлиявшее среди прочего на трактовку этого слова А. С. Пушкиным. Важным выводом статьи, сделанном на основании статистического анализа данных Национального корпуса русского языка, является утверждение о том, что «пассивные» контексты употребления конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, характеризующие отказ от действия в надежде, что ситуация разрешится сама, гораздо менее частотны, чем «активные» контексты, описывающие стремление действовать без рационального оценивания возможных рисков с надеждой на благоприятное стечение обстоятельств и положительный исход действия.

Ключевые слова: *авось*, интерпретации, уровень повседневного употребления, И. М. Долгоруков, А. С. Пушкин.

Введение

Связь слова *авось* с особенностями русского национального характера является общим местом как внешнего, так и внутреннего дискурса о русских и русской культуре [Wierzbicka 1992: 433–435; Шмелев 2021: 241]. Следует подчеркнуть, что эта связь воспроизводится не только в философских текстах и идеологически направленной публицистике, но и в гораздо более «приземленных» контекстах:

(1) *Конечно, мы будем использовать различные способы для того, чтобы заманить на диспансеризацию, — выступления в СМИ, лис-*

товки, «горячие линии». Особенно ждем молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет. Тех, кто еще не заработал букет хронических заболеваний и у кого есть огромный шанс их миновать. Давайте отбросим извечное русское ***авось*** *и воспользуемся возможностью узнать больше о своем здоровье* (обобщенный. Не надейтесь на авось (2013.04.12) // «Новгородские ведомости»)[1].

Однако история превращения слова *авось* в значимый маркер русской культуры еще не становилась, кажется, предметом отдельного исследования. Обращение к историческому материалу позволяет увидеть «рукотворность» указанной выше связи, выявить имена основных ее творцов, понять, какие социокультурные процессы за ней стоят. Обозначенным сюжетам и посвящена данная статья.

Прежде чем переходить к непосредственному анализу, полезно резюмировать предшествующие исследования, посвященные семантике *авось* в современном русском языке. В качестве такого резюме можно обратиться к статье [Шмелев 2021], учитывающей другие работы. Автор выделяет три «режима» употребления лексической единицы *авось*: дискурсивное слово, элемент наречного выражения *на авось* и субстантив [Там же: 243] (ср. [Николина 1993: 159–160])[2]. В отличие от других слов со значением ‘может быть, возможно’, «*авось* всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела» [Шмелев 2021: 244]. Установка на *авось*, с точки зрения автора, «обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (в частности, меры предосторожности)», но иногда «говорящий при помощи *авось* объясняет смысл своих действий в ситуации, когда эти действия не гарантируют благоприятного выхода из исходной ситуации (чаще всего неблагоприятной)» [Там же: 246] (ср. [Wierzbicka 1992: 435]). Слово *авось* является лингвоспецифичным и не имеет прямых аналогов в других языках (по крайней мере, европейских).

Более подробная классификация, которую можно рассматривать как уточнение утверждений А. Д. Шмелева в отдельных аспектах, предложена

---

[1] Если не оговорено обратное, все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; www.ruscorpora.ru).

[2] Эти режимы, как кажется, могут быть органично объединены в единое целое, если воспользоваться введенным в [Глебкин 2012: 169–183] и затем уточненным в [Глебкин 2014: 207–225] понятием лексического комплекса. Лексический комплекс определяется в указанных работах как упорядоченная пара, «которую составляют определенное лексическое гнездо и соответствующее ему концептуальное содержание» [Глебкин 2014: 211–212] и именно в этом значении используется в данной статье. В лексический комплекс *авось* входят дискурсивное слово *авось*, его субстантиват, наречная конструкция *на авось*, а также редкие формы *авосьничать*, *авосьник* и др.

в статье [Разлогова 1998]. Описание *авось* в данной работе сделано в рамках специальной теоретической модели, которая не является общепринятой и обсуждение которой вывело бы нас далеко за рамки этой статьи, но ее конкретные результаты могут быть переформулированы на более привычном языке без ущерба для содержания, что и будет сделано ниже. Е. Э. Разлогова определяет базовый сценарий-схему использования *авось* следующим образом: «*Авось* **р** означает, что в условиях непредсказуемого развития событий имеет место ориентация на возможность благоприятного исхода **р**» [Там же: 321]. Затем она выделяет три большие группы ситуационных контекстов употребления слова с определенными подгруппами внутри каждой из них.

Контекст А. «Деятельный, но бессильный, субъект предпринимает действия для преодоления сложившейся неблагоприятной ситуации (**не р**), и, ориентируясь на возможность благоприятного разрешения **р**, указывает на принципиальную непредсказуемость развития событий» [Там же].

В рамках этого контекста выделяются три локальные группы:

А1 («Будем бороться…»). Автор говорит о данной группе как наиболее характерной для контекста А и определяет ее как группу, в которой активный субъект «действует для устранения неблагоприятного для него положения вещей **не р**, понимая при этом, что развитие событий непредсказуемо» [Там же: 322]. Эту группу можно проиллюстрировать следующими примерами:

(2) *— Ты бы не ходила, Лукинишна! — попросила женщина. — Чего тебе зазря ноги топтать?! — Ничего, — возражала старуха. —* ***Авось*** *доковыляем. Заодно Прошу там своего проведаю* (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013).

(3) *Украина, конечно, отправляет в Москву парламентеров на переговоры —* ***авось*** *договорятся о снижении цены* (Н. Радулова. Между свечкой и тьмой // «Огонек», 2013).

Следует отметить, что в рамках данной группы ожидаемая вероятность положительного исхода может изменяться от высокой до низкой. Так, в примере (2) Лукинична почти уверена, что «доковыляет», тогда как в примере (3) эта вероятность намного меньше.

А2 («Все-таки основания есть…»). В этой группе, в отличие от предыдущей, активность субъекта подкрепляется определенными аргументами: он объясняет, почему надеется на благоприятный исход, например:

(4) *Больше будет пара в атмосфере, наверное, больше осадков,* ***авось*** *и в Сахаре будет не так сухо* (П. Ростин. Караул. Потепление! // «Знание-сила», 2008).

А3 («*На авось*, или Чем черт не шутит…»). «*На авось* вводит действие, которое является “шагом” к результату **р**, а не само желаемое **р**» [Там же: 323], что отличает эту группу от групп А1 и А2, например:

(5) *Направо или налево? Описание маршрута показалось ему таким простым, что записывать поленился, подумал, и так запомнит, чего там. И не запомнил… Он решил действовать* ***на авось*** *и повернул налево* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)).

Контекст В. В рамках этого контекста «описываются ситуации, когда субъект авось не оценивает сложившееся положение как серьезное или явно неблагоприятное (оно только может стать серьёзным)». Для данного контекста «характерно наличие явной или скрытой опасности для *авось*-субъекта, которая может им и не осознаваться как таковая (но зато всегда расценивается как таковая говорящим, когда тот не совпадает с субъектом ситуации)» [Там же].

В рамках этого контекста также выделяются три локальные группы:

В1 («Одна надежда…»). «Говорящий ориентируется в будущем на благоприятный исход, не предпринимая (или не будучи в состоянии предпринять) необходимых шагов для осуществления **p**. В некоторых случаях субъект *авось*-ситуации даже делает все наоборот, то есть его действия явным образом могут привести к **не p**» [Там же] (см. (6)).

(6) *Кое-что отредактировал «из залежей» для коллективного сборника и уже потирал руки в предвкушении близящегося весеннего наступления на издательства, когда вдруг узнал, что в нашем продуктовом магазине отпущены цены на все продукты, включая хлеб, молоко и сахар. Впрочем, я знал обо всем загодя (слухи муссировались на кухне), но не среагировал. То есть не побежал с мешком по магазинам, как это сделали в большинстве жильцы нашего общежития. Я подумал:* ***авось*** *как-нибудь обойдется. Не обошлось* (В. Слипенчук. Зинзивер (2001)).

В2 («*Русский авось*, или Бездействие»). В этой группе «рассматриваются субстантивные употребления *авось* (*русский авось*, *полагаться/надеяться на авось*). Здесь особый акцент ставится на потенциальной опасности ситуации, которая скорее видна говорящему (рассказчику), нежели субъекту *авось*-ситуации, который бездействует… В субстантивном употреблении *авось* теряет синтаксический актант **p**, который легко восстанавливается из контекста» [Там же].

Данный подраздел требует комментария. Обратимся к приведенному ниже примеру (7) и примеру (1).

(7) *Про операцию никто не заговаривал, все сроки были проворонены. Первой забыла об операции Раймонда. Она, как всегда, надеялась* ***на авось*** *и, кроме того, понимала, что операция продлила бы ее больничное заточение, а она рвалась выскочить побыстрей* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала (1990)).

Оба фрагмента говорят, по сути, об одном — о бездействии, связанном с легкомысленным отношением к собственному здоровью. Однако пример (1) содержит важный дополнительный аспект, который отсутствует в примере (7): в нем имплицитно утверждается, что отмеченная черта не является индивидуальной особенностью субъектов *авось*-ситуации, а присуща им как представителям определенной национальности, связана с их национальной идентичностью. Этот аспект, крайне важный для настоящей статьи, не отражен в описании Е. Э. Разлоговой[3].

В3 («Думаю, что у вас/у них все обойдется»). «В этих контекстах речь идет о благоприятном исходе не для говорящего, а скорее для собеседника (или третьего лица), причем говорящий не оценивает исходную ситуацию как заведомо неблагоприятную, но не предпринимает (или не может предпринять) каких-либо действий в пользу собеседника (третьего лица). Для этих контекстов характерен налет равнодушия» [Там же: 323]. Автор приводит в качестве иллюстрации два фрагмента из «Доктора Живаго» Б. Пастернака (один из фрагментов представлен ниже, см. (8)).

(8) *Бог даст без нас уцелеете, не такая мы редкость, не правда ли, Паша?* ***Авось*** *найдется вашим молодым друзьям замена. И совершенно забыв, с кем и о чем она говорит, Лара что-то вспомнила и, торопливо встав, ушла за перегородку на кухню* (Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)).

Здесь также требуется комментарий. Подобно тому как субстантивные употребления *авось*, описанные в **В2**, имеют прямой коррелят в группе **А3**, контексты **В3** также имеют непосредственный аналог в группе **А**. Ситуация, когда говорящий не хочет (не может) делать что-то для собеседника (третьего лица), выражая надежду (часто формальную), что все и так придет к благополучному исходу, может быть соотнесена с ситуацией, когда говорящий совершает активные действия в поддержку собеседника (или дает ему совет), надеясь на благоприятный для собеседника результат (см. (9)).

(9) *Струхнула рыжая — и в чащобу. А Дед Мороз за длинные уши зайца поднял. Тот и глаза зажмурил. Дед усмехнулся и говорит: — Не бойся, косой, полезай ко мне в мешок. Я тебя подальше от лисы отнесу.* ***Авось****, она тебя и не сыщет* (Ю. Макаров. Про зайца // «Мурзилка», 2001).

Я обозначу эту группу ситуаций, не отмеченную в работе Е. Э. Разлоговой, как **А4**.

Контекст С. Автор описывает в рамках этого контекста две принципиально различные группы ситуаций, которые, на мой взгляд, правильнее

[3] Следует также отметить, что субстантивные употребления *авось* (*русский авось*, *полагаться*/*надеяться на авось*) характерны и для группы **А3** (*действовать*, *полагаясь*/*надеясь на авось (русский авось)*) и должны быть включены туда тоже.

было бы определить как отдельные контексты, но мы будем следовать классификации автора.

С1 («Бог даст…»). В этой группе «субъект в принципе не может повлиять на ситуацию, то есть… вопрос об активности/пассивности снимается» [Там же: 325]. При этом ситуация может оцениваться не только как неблагоприятная (и тогда говорящий надеется на ее изменение), но и как благоприятная (и тогда выражается надежда на ее сохранение) (см. примеры (10) и (11)). По мнению автора, в данной группе *авось* часто заменяется на *Бог даст*.

(10) *Успешных гастролей. — Спасибо!* ***Авось*** *погода смилостивится. Однако и вечером легче не стало. Все то же безвоздушное небо висело над казанским вокзалом* (Л. Зорин. Казанские гастроли // «Новый мир», 2008);

(11) *Вряд ли многие нынешние читатели журнала «Знание — сила» хорошо знают своих современников! Но Лобачевский и Мичурин тоже были слабо заметны на фоне Пушкина и Лермонтова. Однако прошло полтораста лет, и светлые образы поэтов, математиков и востоковедов сравнялись в исторической перспективе.* ***Авось*** *так будет и с нашими современниками!* (С. Смирнов. Пустили козленка в огород // «Знание — сила», 2006).

Учитывая сделанное выше замечание о градиентном типе связи между совершаемыми человеком действиями и его оценкой вероятности положительного исхода, характерном для контекстов **А1** и **А4**, контекст **С1** можно рассматривать как предельный случай ослабления этой связи, т. е. как предельный случай **А1** и **А4** (впрочем, его можно рассматривать и как предельный случай контекстов группы **В**; он оказывается областью, в которой исчезает различие между «активной» и «пассивной» стратегиями).

С2 («А вдруг пригодится»). В этой группе ситуаций «субъект активен при нейтральном относительно **р** положении вещей, то есть отсутствии “проблемы”, непосредственно связанной с **р**… *Авось* **р** указывает на то, что некоторый, в данный момент ненужный предмет может понадобиться в будущем» [Там же] (см. пример (12) как иллюстрацию).

(12) *Пока была суматоха, я смотрю, у нее в чемодане пузыри с зеленкой болтаются, — а зеленка в лагере вещь полезная, — я незаметно прибрала их себе в карман,* ***авось*** *пригодятся* (С. Вахитов. Разорванное сердце Адель // «Бельские просторы», 2013)[4].

[4] Е. Э. Разлогова полагает, что в данном контексте «отсутствует оценка исхода как благоприятного» [Там же: 325]. Однако, если предмет пригодился, это означает, что он помог решить (уменьшить) существующую проблему, т. е. сделал ситуацию более благоприятной. Это вполне коррелирует с контекстом **А1**. Используя модель описания автора, можно сказать, что в данной группе активный субъект

Перейдем к некоторым обобщениям. Можно исходить из того, что представленная модель (с определенными оговорками и уточнениями) адекватно описывает контексты употребления слова *авось* в современном русском литературном языке[5]. При этом она порождает ряд вопросов, наиболее значимым из которых в рамках данной статьи является вопрос о том, с какого момента контексты **A3** и **B2** начинают характеризовать поведение русского человека, начинают рассматриваться как неотъемлемая черта русского национального характера и какие социокультурные процессы за этим стоят. Для ответа на него полезно обратиться к диахронному анализу ситуационных контекстов употребления слова *авось* в русской культуре XVIII–XIX вв.

Лексический комплекс *авось* в русском литературном языке XVIII в.

Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», слово *авось* (*авосе*) появляется в письменных текстах в XVII в. в значении ‘может быть’[6]. Словарь также выделяет конструкцию *авось бы* со значением ‘если бы’, также датируемую XVII в. [СРЯ XI–XVII, 1: 20]. Первое вхождение этого слова в НКРЯ датируется 1734 г., в корпусе Google Books Russian 2019 (далее — GB) — 1772 г.[7]

В XVIII в. слово *авось* появляется в словарях. Видимо, впервые это происходит в русско-французском словаре Антиоха Кантемира [Кантемир 2004, 1: 4], где автор приводит формы *авось*, *авось либо* и предлагает *peut-être* в качестве французского эквивалента[8]. В «Новом лексиконе или словаре на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках», изданном в типографии Н. И. Новикова, *авось* помещается в сле-

---

сохраняет некий объект **O**, надеясь, что **O** поможет устранить неблагоприятное для субъекта положение вещей, но понимая при этом, что актуализация такой возможности непредсказуема.

[5] Под современным русским литературным языком в этой работе понимается письменный русский язык со второй половины XX в. по настоящее время (ср. https://ruscorpora.ru/new/corpora-structure.html).

[6] Анализ различных версий происхождения слова *авось* проведен в работе [Березович 2007]. Обратившись к материалу говоров, автор предлагает и свою семантическую реконструкцию, показывая, что *авось* могло образоваться путем слияния союза *а* и наречия *вось*, у которого постепенно появляются значения ‘вскоре’, ‘через некоторое время в будущем’ и ‘возможно, быть может’ [Там же: 338–339].

[7] Google Books Ngram Viewer показывает и более ранние вхождения, но при непосредственном анализе они оказываются ошибками распознавания.

[8] Я искренне признателен Елизавете Эдуардовне Бабаевой, указавшей мне на этот факт.

дующий ряд: «Peut-être, adv. forse, vielleicht, fortaste, forsitan, forte, может быть, авось либо» [Соц 1787: 305]. В «Словаре немецко-российском и российско-немецком» Ивана Гейма *авось* описывается таким образом: «Авось, Авосьлибо — vielleicht, wir wollen sehen» [Гейм 1798: 2]. Слово *авось* включено и в «Словарь Академии Российской» со следующим описанием: «АВОСЬ, АВОСЬЛИБО. Нареч. сложн. простонар.: употребляемое вместо может быть» [САР, 1: 6]. Резюмируя описания в словарях, можно отметить, что *авось* устойчиво поясняется через ‘может быть’ и соотносится с немецким *vielleicht* и французским *peut-être.*

Перейдем теперь к более детальному анализу, обратившись к подкорпусу XVIII в. НКРЯ[9]. Слово *авось* встречается там 59 раз (44 в основном подкорпусе и 15 — в поэтическом): 37 раз в форме *авось-либо* (14 вхождений *авось либо* и 23 — *авось-либо*), 16 раз в форме *авось*, 2 раза — *авось ли* и по разу в формах *авось и*, *авось ли бы*, *авось-таки* и *авось-либом* (последнее слово представляет собой творительный падеж от субстантивированного *авось-либо* (см. (19)). Как легко заметить, форма *авось-либо* доминирует в подкорпусе.

Анализируя коммуникативные ситуации, в которых используется *авось*, можно видеть, что в них превалирует прямая речь говорящего/пишущего, обращенная к находящемуся рядом (например, (13)) или удаленному (например, (14)) собеседнику (39 вхождений, 66,1 % от общего числа)[10]. К этому примыкает и единственный случай использования *авось* в косвенной речи рассказчика (см. (15)).

(13) *Ега-Баба накормила его и напоила, и в бане выпарила, и стала спрашивать: «Зачем ты, добрый молодец, опять ко мне приехал, скажи мне,* ***авось*** *я тебе помогу в твоей нужде?»* (Сказка о Игнатье-царевиче и Суворе-невидимке мужичке (1786));

(14) *Любезнейший Друг Илья Васильевич! Это правда, что я на три Ваши письма не ответствовал. Ожидал я со дня на день,* ***авось либо*** *не будет ли к Вам чего нового написать. Но и поныне ничто не открывается* (А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому (1784));

(15) *Уговаривал я государя, чтоб изволил закутаться,* ***авось-либо*** *уснет, что от того, конечно, будет легче* (С. А. Порошин. Семена Порошина записки… (1764–1765)).

Вторая группа (12 вхождений, 20,3 %) включает в себя мысленные монологи персонажей, от которых автор текста отчетливо дистанцируется (эта подгруппа характерна главным образом для басен (см. (16)), и реконструкцию мыслей *авось*-субъектов, отличных от автора (см. (17)).

[9] Дата обращения: 10.01.2022.

[10] Следует отметить, что из 39 вхождений 35 (59,3 %) относятся к литературным текстам и 4 (6,8 %) появляются в переписке.

(16) *Стал наш крестьянин в пень, не знает, что начать,*
Однако вздумал отдыхать, и мыслит: «Отдохнув немного,
поплетуся;
***Авось-либо** дойду,*
Хоть с ношею пойду;
Быть так, добро, пущуся»
(И. И. Хемницер. Крестьянин с ношею (1782));

(17) *Лысой с ребячества своего был, как я от стариков слышал, превеликий ленивец. Его женили в надежде, **авось-либо** поправится* (Д. И. Фонвизин. Поучение, говоренное в Духов день (1788)).

Третью группу (7 вхождений, 12 %) составляют монологи либо автора текста (например, (18)), либо лирического героя, отличие которого от автора никак не маркировано (например, (19)).

(18) *Если кто безвинно идет к смерти, то своя невинность и неотягощенная совесть подает надежду, **авось-либо** невинность его узнается; но собственною совестью уличенный злодей, чего кроме достойнаго себе не щастия, надеяться может, находясь уже в руках справедливости* (Ф. А. Эмин. Путь ко спасению… (1766));

(19) ***Авось-либо** велико дело!*
Я без него давно оставил бы сей свет;
Несчастный только им одним лишь и живет,
Скажу я это смело.
*Хоть сим **авось-либом** я тщетно, скажут, льщусь,*
Но от него всегда я вмиг развеселюсь
И — засмеюсь (П. П. Сумароков. Плач и смех (1788–1795)).

Если говорить о распределении вхождений по жанрам, то доминируют басни, комедии, сказки, дневниковые записи, переписка, но встречаются и философские диалоги (у Григория Сковороды), поучения и проповеди. В рамках модели трех стилей М. В. Ломоносова слово *авось* в основном появляется в текстах, относящихся к «низкому штилю», но это не является абсолютным правилом[11].

Перейдем теперь к распределению вхождений по описанным во введении ситуационным контекстам. Почти весь массив покрывается контекстами **А1** (25 вхождений, 42,4 %; см. (16), (18)), **А4** (17 вхождений, 28,8 %;

[11] В. М. Живов отмечает, что теория трех стилей плохо соотносилась с современной М. В. Ломоносову языковой практикой и что собственные тексты ученого не подчиняются этой системе, находясь скорее в рамках бинарной схемы [Живов 2007: 19–20]. Однако это не отменяет сделанного выше утверждения: слово *авось* использовалось преимущественно (но не исключительно) в текстах низких жанров.

см. (13), (15), (17)) и **C1** (13 вхождений, 22 %; см. (14), (19))[12]. Однажды (см. (20)) встречается контекст **B1** и два случая не вписываются в рамки обозначенной системы контекстов (их можно рассматривать как вырожденные случаи модели **A1**).

(20) *А когда придет какая беда, скорбь или теснота, тогда мало нечто опаметоваемся, к покаянию приближаемся, да и тогда не спешим к истинному покаянию, а берем себе в разсуждение:* ***авось либо*** *поживем,* ***авось либо*** *будет лехче, и вместо лекарства душевнаго ищу телеснаго, а последнее —* ***авось либо*** *поспею еще покаятися и бога умилостивлю* (В. Н. Татищев. Духовная (1734)).

Перейдем к обобщению приведенных данных. Слово *авось* попадает в письменный язык из устной речи и воспринимается как черта «низкого штиля», хотя может появляться и в текстах, имеющих более высокий статус. Доминирующая форма для него — форма *авось-либо* (*авось либо*). Контексты, в которых оно употребляется, — почти исключительно контексты **A1**, **A4** и **C1**. При этом, как уже отмечалось во введении, данные контексты можно объединить в один, рассматривая **C1** как предельный случай градиентного ослабления связи между действиями самого человека (контекст **A1**) или других людей (контекст **A4**) и благоприятного для них исхода (ср. примеры (16) и (18)). Следует особо подчеркнуть, что контексты группы **B**, рассматриваемые в позднейшей традиции как важная черта русского национального характера и как наиболее характерные для *авось*[13], в подкорпусе XVIII в. НКРЯ отсутствуют почти полностью. Для понимания того, как эти контексты актуализируются, становясь все более частотными и значимыми, необходимо небольшое теоретическое отступление.

В [Глебкин 2012; 2014] изложена социокультурная теория лексических комплексов, важным элементом которой являются два уровня описания лексического комплекса (слова, конструкции): уровень «повседневного

[12] Распределение по ситуационным контекстам несет в себе элемент субъективной оценки, и я вполне допускаю, что другие носители языка проинтерпретируют отдельные вхождения по-другому. Однако я исхожу из того, что качественная картина не будет отличаться. Определенные основания для этого утверждения дает эксперимент, который я проводил в ситуации, соотносимой с данной: распределение нескольких сотен вхождений лексического комплекса *скука* по концептуальным кластерам. Распределения различных носителей не совпадали количественно, но качественная картина была одинаковой [Глебкин 2018: 283–284].

[13] Ср. замечание А. Д. Шмелева: «О человеке, который покупает лотерейный билет, вообще не говорят, что он руководствуется расчетом на *авось*. Так скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты. Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случится — что *обойдется* или *пронесет*. Это и есть самые типичные контексты для *авось* — *авось обойдется*; *авось ничего*; *авось рассосется*; *авось пронесет*» [Шмелев 2021: 245].

употребления» (уровень А) и уровень интерпретаций (уровень В). На уровне А слово не попадает в фокус внимания, оно используется в потоке речи и правильность его употребления определяется языковой интуицией говорящего. На уровне В использование слова отрефлексировано, обозначаемое этим словом понятие обычно встраивается в определенную теоретическую конструкцию или мировоззренческую модель и получает определение в рамках этой модели. Наиболее очевидным примером понятий на уровне В являются научные термины, но спектр таких понятий гораздо шире. Диахронное описание уровней А и В, учитывающее их взаимное влияние, дает возможность системного представления семантической эволюции отдельного слова или лексического комплекса[14].

Еще одно важное предварительное замечание. Часто семантические или лексические изменения в языке являются реакцией на социокультурные изменения, для описания которых не хватает традиционных языковых ресурсов. В этих случаях оказывается полезным обозначить социокультурный контекст, формирующий запрос на семантические изменения (отмечу, что такое описание — один из важных элементов социокультурной теории лексических комплексов; социокультурный контекст в ней представлен уровнем A_0).

Русская культура XVIII в. характеризуется высокой вертикальной мобильностью, невозможной до этого. Непредсказуемые и часто радикальные изменения в социальном статусе, резкие перемещения вверх и вниз по карьерной лестнице становятся важной чертой повседневности и одновременно предметом размышления образованного сословия. Другая важная черта — секуляризация русской культуры в XVII–XVIII вв. и значимое особенно для XVIII в. возрастание в ней веса античных мировоззренческих моделей, сосуществующих с христианскими и постепенно вытесняющих их в целом ряде областей. В частности, на глубокую периферию официальной культуры уходят мотив Страшного суда и страха Божьего, заменяясь представлениями о важности успеха и награды в земной жизни (см. [Глебкин 2018: 134–174]). Одним из способов осмысления этих изменений в литературе стало активное использование категории фортуны, во многом заимствованное из западной литературы; см., например, фрагмент (21), взятый из перевода А. Д. Кантемиром первой оды Н. Буало:

(21) *Видим, что предел странный железного века*
Тотчас возвысил князем проста человека, —

[14] В [Глебкин 2014: 281–313] разработанная модель использована для описания лексического комплекса *интеллигенция*, в [Глебкин 2018] — лексического комплекса *скука* и, в редуцированной форме, для комплексов *тоска* и *уныние*. Также выделение двух уровней и описание их взаимного влияния использовано в [Глебкин 2007; 2007а] для слов *мещанство* и *пошлость*, в [Глебкин 2016] — для лексического комплекса *философия*, и в [Глебкин 2019] — для лексического комплекса *авантюра.*

Так-то добродетелью фортуна играет,
Часто доброго низит, злого возвышает…
(А. Д. Кантемир. Из Буало. Сатира первая (1727–1729)).

После публикации «Манифеста о вольности дворянства» Петра III (1762) и «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II (1785) у дворян появляется возможность не служить, что постепенно приводит к формированию типа «частного человека» и распространению особого вида неостоицизма, в котором государственная служба связывалась уже не с идеей служения Отечеству, а с погоней за чинами и почестями, а жизнь частного человека — с верностью себе и своим идеалам. Эта модель представлена, например, в басне И. И. Дмитриева «Пустынник и фортуна», в которой Фортуна со своей свитой (Богатством, Знатностью и Чинами) пытается остановиться на ночлег в доме пустынника, но он отказывает ей, объясняя, что в доме нет места [Дмитриев 1967: 376–377].

Этот контекст важен для понимания дальнейшей семантической эволюции слова *авось*. Появившись в письменном языке из разговорной речи и не имея в нем отчетливо закрепленных служебных функций (в отличие от *может быть*), слово *авось* обладало гораздо менее устойчивой концептуальной структурой, более подвижными контекстами употребления и легко допускало субстантивацию. Кроме того, в отличие от заимствованного слова *фортуна*, оно было «своим» и поэтому гораздо лучше подходило для отражения специфики русской жизни[15].

Возможность генерализации *авось* задается уже в приведенном выше примере (20), но у Василия Никитича Татищева она осуществляется в границах традиционного христианского мировоззрения, которое уже не воспринимается как актуальное в русской культуре последней трети XVIII в., ориентированной главным образом на античность. В этот период начинают активно возникать интерпретации *авось*, созданные в рамках изменившейся мировоззренческой модели. Обозначим основные из них. Иван Кудрявцев, вполне в логике мировоззрения неостоицизма, рассматривает *авось* как знак неопределенности человеческой жизни в целом, вне зависимости от социокультурного контекста, противопоставляя эту неопределенность подлинности и неизбежности смерти:

(22) *Нет ничего на свете подлиннее смерти. Впрочем все основано на* ***авось-либо****. Образцы научают, искусство доказывает; да и тем не редко обманываются. Судьба, держащая на оси участь смертных, толь сокровенна в своих определениях, что человек оных никак постигнуть не может* [Кудрявцев 1772: 112].

[15] Параллели между текстами Н. Буало и А. Д. Кантемира отражают определенное сходство социокультурных ситуаций во Франции XVII в. и России XVIII в., но социокультурный контекст во Франции XVIII в. был принципиально иным, и для него описания Н. Буало уже не являлись столь актуальными.

Панкратий Платонович Сумароков, внучатый племянник Александра Петровича Сумарокова, в стихотворении «Плач и смех», фрагмент из которого приведен выше (см. (19)), строит другую модель, где непредсказуемость *авось* дополняется ни на чем, по большому счету, не основанной надеждой на благоприятный исход (*И что несчастливой судьбы моей премены* / ***Авось-либо*** *когда-нибудь я и дождусь*). И хотя автор понимает, что эти надежды, вероятно, окажутся тщетными, они позволяют поддерживать присутствие духа и радоваться жизни. В обозначенном подходе заложена возможность развертывания группы контекстов **В**. Отметим также еще раз субстантивацию *авось-либо*, осуществленную П. П. Сумароковым.

Важной вехой в формировании интерпретаций *авось* стало одноименное стихотворение Ивана Михайловича Долгорукова, напечатанное в 1798 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», издаваемом Иваном Петровичем Тургеневым (об истории публикации см. [Поэты-сатирики 1959: 706–707]). И. М. Долгоруков указывает, что обозначаемые *авось* сюжеты еще не описаны, но актуальны и могут иметь успех у читателя, что слово *авось* — исконно русское (см. (22)), оно синонимично удаче и отрицает рациональный расчет, взвешенное принятие решения (см. (23)). *Авось* обеспечило успех и славу для Ромула, Александра Македонского и Магомета, но оно также поддерживает влюбленного, карточного игрока, нашалившего ребенка, неверного мужа или жену, ворующего чиновника и т. д. Иногда надежды на *авось* абсолютно беспочвенны, но все равно греют сердце (см. (24)).

(23) *О слово милое, простое!*
Тебя в стихах я восхвалю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю! [Поэты-сатирики 1959: 403];

(24) *На свете мыкался я много,*
Ходил, езжал и так и сяк;
Пойдёшь ***авось*** *— везде отлого,*
Пойдёшь с умом — всё буерак.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя всё наплевать.
Наперекор рассудку смело
Ломай, коверкай всяко дело;
Коль тут ***авось****, всё тишь да гладь* [Там же];

(25) *Старик, одной ногою в гробе,*
Мечтает год прожить еще;
Он, чая жизни новой в небе,
Здесь любит суеты вотще;
По склонности своей природной,
В часок, от немощи свободный,

Карабкается мыслью вверх:
***Авось**, дескать, я знатен буду,*
И денег наживу я груду!
Меня чем лучше сей изверг? [Там же: 406].

Обобщая, можно сказать, что *авось* в интерпретации И. М. Долгорукова обозначает как саму удачу, так и надежду на удачу, противопоставленную рациональной оценке ситуации и часто абсолютно беспочвенную. Как две стратегии поведения, подкрепляемые такой надеждой, можно выделить «действовать на авось» и «ждать, надеясь на авось»[16]. Другими словами, стратегии, связываемые с особенностями национального характера русских, являются чертой не повседневного языка, отражающего базовые социокультурные практики и модели поведения, а интерпретацией, «надстраивающейся» над уровнем А.

Лексический комплекс *авось* в русском литературном языке первой трети XIX в.

Есть основания утверждать, что интерпретация И. М. Долгорукова оказала заметное влияние на семантическую эволюцию слова *авось* и, запустив цепочку подражаний и новых интерпретаций, превратила его в значимую категорию русской культуры (ср. [Поэты-сатирики 1959: 706–707]). Одним из показательных примеров таких подражаний, в которых уже нет сатирического снижения и *авось* получает отчетливо выраженную мировоззренческую нагрузку, является стихотворение Петра Розанова «Авось», см. фрагмент из него ниже:

(26) *Молчи! — **авось** и наше поле*
Такой же плод произведет;
***Авось** и к нам по доброй воле*
Слепое щастье завернет.
Гордись, кто хочет, величайся,
Над нашей братьей издевайся,
Смотри на нас не прямо, вкось;
А мы, как странственник убогой,

[16] Стихотворение И. М. Долгорукова носит иронический характер, но в его мемуарах есть и вполне патетические высказывания, выражающие ту же идею. Например: *Человек никогда настоящим не доволен, каждый хочет переменить свое состояние, несмотря на то, что часто самая лестная новость хуже посредственной старинки. Ошибки скоро приметны, но никто, глядя на другого, не учится из опытов, у всех при неудаче сторонней вырывается следующая мечта: «это случилось с таким-то, а со мной не может случиться». Велико русское слово **авось**! Оно разрушает царства, гонит полки, оно покорило нам Бендеры при Панине, оно и меня решило на самый важный шаг* [Долгоруков 2004: 255].

Знай по бредем[17] *путем, дорогой,*
И будем говорить — ***авось****!*
……..
Куда ж с простой душой деваться,
Иль с лицемерами равняться?..
Нет, им лежит дорога врозь. —
Пускай богач гордится щастьем, —
А мы и в сентябре — с ненастьем
Все будем говорить, ***авось****!*
……..
Фортуна! Подними повязку,
И оцени дары свои: —
Кто заслужил твою пристрастку,
Тому ты пальцем погрози;
А кто и малым сыт — доволен,
То естьли бог ты, естьли волен,
Дай новый жребий, старый сбрось…
Фортуна! — Полно быть слепою –
Хоть загляни на нас порось –
А я опять скажу — ***авось****!..* [Друг просвещения 1806: 93–95].

Не обсуждая литературных достоинств этого текста, важно отметить, что здесь *авось* оказывается характеристикой неудачника, «пигмея», как пишет автор, который не хочет (или не может) прилагать активные усилия, чтобы добыть благосклонность фортуны, а просто надеется, что положение вещей внезапно изменится и он обретет то, о чем мечтает. Другими словами, здесь еще более отчетливо, чем в стихотворении И. М. Долгорукова, вводится контекст **В** употребления *авось*, характеризуя жизненную позицию не только лирического героя, но и целого типа людей, к которому он себя относит.

Следует также отметить стихотворение П. А. Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой», которое можно проинтерпретировать как первое появление контекста **В2**, но касающееся не русской культуры и русского национального характера, а российской политики:

(27) *У вас* ***авось***
России ось
Крутит, вертит,
А кучер спит
(П. А. Вяземский. Сравнение Петербурга с Москвой (1810)).

Еще одним локальным, но очень показательным знаком повышения статуса *авось* является его использование для названия корабля, на кото-

[17] Так в оригинале.

ром было предпринято путешествие в Америку, воспетое А. А. Вознесенским и затем положенное в основу культовой для 70–80-х гг. XX в. рок-оперы «Юнона и Авось», поставленной на сцене театра им. Ленинского комсомола. Вот как представлен процесс выбора имени в предисловии к описанию этого путешествия одним из участников (автор предисловия — вице-адмирал Александр Семенович Шишков):

(28) *Между тем как приступили к построению одного из двух назначаемых для Экспедиции судов, открылся случай другое из оных купить у пришедшего случайно туда из Соединенных Штатов Америки корабельщика Вульфа. Сие судно, отданное под начальство Хвостова, называлось Ю н о н а*; *другому же вновь построенному, и которое поручено было Давыдову, дали сходное с покушением на сию Экспедицию название А в о с ь* (Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова… (1808–1809)).

Для понимания выбора имени следует отметить, что в петровское время известно по крайней мере одно судно, называвшееся «Фортуна» (см. [Голиков 1838: 561]). *Авось* в контексте американской экспедиции Н. Хвостова и Г. Давыдова получало аналогичный смысл надежды на удачу, на благополучную судьбу путешествия, но с использованием уже не заимствованного, а русского слова.

Переходя от первого десятилетия XIX в. к последующим, необходимо остановиться на текстах Александра Сергеевича Пушкина. В полном собрании его сочинений и писем слово *авось* встречается 42 раза (17 раз в переписке, 11 — в прозе, 5 — в стихотворениях, 5 — в «Евгении Онегине», 3 — в публицистике и 1 — в заметках)[18]. Бросается в глаза большой вес эпистолярного блока в этом корпусе. Другими словами, *авось* активно используется Пушкиным не только в речи персонажей его произведений, выполняя стилистическую функцию, но и в текстах, в которых он говорит от своего имени. Распределение по ситуационным контекстам выглядит следующим образом: контекст **A1** — 45,2 % от общего числа вхождений; **C1** — 40,5 %; **A4** — 9,5 %. Контекст **B2** встречается один раз, и мы остановимся на нем чуть позднее. Легко заметить, что складывающаяся картина вполне соотносится с распределением, полученным на материале подкорпуса XVIII в. НКРЯ. Анализ переписки показывает, что Пушкин использует *авось* в широком спектре ситуаций, касающихся его литературных дел, здоровья, ожидания встречи с адресатом в будущем, а также в политических контекстах, например:

(29) *Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим*

[18] Подсчет велся по электронному изданию: Полное энциклопедическое собрание сочинений А.С. Пушкина. ИДДК, 2005.

Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем Франция одна не сунется; Англии не [на что] для чего с нами ссориться, так ***авось ли*** *выкарабкаемся* (Письмо П. А. Вяземскому, 3 августа 1831 г.).

Приведенный пример интересен тем, что показывает, какой сложной может быть структура субъекта *авось*-ситуации. Данный случай кажется правильным отнести к контексту **A1** , однако сам субъект формально не проявляет здесь никакой активности. Он мысленно соотносит себя с русской армией, подошедшей к Варшаве, и присоединяется к ее действиям виртуально, надеясь на благоприятный для нее и для него исход.

Интерпретация *авось* предложена Пушкиным в двух фрагментах. Один из них (из «десятой главы» «Евгения Онегина», см. (30)) остался неизвестным широкой публике и не оказал заметного влияния на дальнейшую семантическую траекторию слова, но важен для понимания интерпретации Пушкина, тогда как влияние второго (см. (31)) сложно переоценить:

(30) ***Авось****, о Шиболет народный*
Тебе б я оду посвятил
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
……
Авось *аренды забывая*
Ханжа запрется в монастырь
Авось *по манью ⟨Николая⟩*
Семействам возвратит ⟨Сибирь⟩
……
Авось *дороги нам исправят* [Пушкин 1977–1979, 5: 181];

(31) *Призадумался поп,*
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русской ***авось***
(А. С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде (1830)).

Начнем с фрагмента (30). Как видно, Пушкин прямо отсылает в нем к стихотворению И. М. Долгорукова и отчетливо характеризует *авось* как лингвоспецифичное слово, важное для осознания русскими самих себя[19]. Три последующих примера задают контекст **C1**, но стоит подчеркнуть утопичность надежд на *авось*, наглядно проявляющуюся в них[20]. Такая

[19] О слове *шиболет* см., например, [Мещерский 1999].

[20] В. А. Кошелев отмечает, что у Пушкина *авось*, высказанные его героями, почти всегда «оборачиваются неудачей» и «“биографический” пушкинский *авось* того же порядка и с тем же предощущением невозможности осуществления» [Кошелев 2011: 112]. Это утверждение сложно назвать справедливым для переписки

утопичность не подчеркивается (хотя, возможно, и предполагается) ни в стихотворении И. М. Долгорукова, ни в других интерпретациях (П. П. Сумароков, признавая утопичность *авось*, подчеркивает не ее, а значимость надежды на благоприятный исход для обретения точек опоры в жизни). Фрагмент (31) является яркой иллюстрацией контекста **B2** (персонаж Пушкина недооценивает опасность ситуации и выбирает пассивную стратегию, надеясь на благополучный исход, причем такая стратегия маркируется как характерная черта русской культуры). Хотелось бы подчеркнуть, что это первый чистый случай появления контекста **B2**, который мне удалось обнаружить: ни в других текстах Пушкина, ни до него (за исключением приведенного выше фрагмента П. А. Вяземского (27), который тоже не является чистым случаем) этот контекст не встречается.

Перейдем теперь к анализу данных НКРЯ за 1800–1834 гг. Указанный подкорпус дает 260 вхождений конструкций, относящихся к лексическому комплексу *авось*, исключая *Авось* как название корабля и как заглавие стихотворения И. М. Долгорукова (234 — в основном корпусе и 26 — в поэтическом). Следует прежде всего отметить резкие морфологические изменения. Если в XVIII в., как отмечалось, доминирует форма *авось-либо* (62,7 % — *авось-либо* и *авось либо*; 27,1 % — *авось*), то в первой трети XIX в. форма *авось* получает подавляющий перевес (88,1 % — *авось*; 9,6 % — *авось-либо* и единичные случаи употребления *авось бы* и *авось ли*). В этих изменениях можно увидеть прямое воздействие стихотворения И. М. Долгорукова и вызванной им реакции.

Если говорить о коммуникативных моделях, то, как и в XVIII в., доминирует употребление *авось* в прямой речи говорящего в диалоге с находящимся рядом или удаленным собеседником (66,1 % — XVIII в.; 81,4 % — первая треть XIX в.), но в рамках этого массива резко возрастает роль эпистолярного блока (6,8 % — XVIII в.; 23,2 % — первая треть XIX в.)[21]. При этом *авось* начинает использоваться не только в бытовом, но и в более «высоких» стилистических регистрах, например:

(32) *Россия, мы надеемся, через этот перелом не пройдет;* ***авось*** *в ней не будет кровопролитных переворотов, но тем заботливее надо пещись в ней о нравственности систем и поступков. Чем меньше фанатизма, тем строже и бдительнее должен быть разум* (И. В. Киреевский. Письмо А. И. Кошелеву, 1832).

поэта (Пушкин использует *авось* в широком спектре контекстов и по большей части его ожидания выглядят вполне реалистично), но оно справедливо для его произведений (я бы только заменил *почти всегда* на *часто*).

[21] Для корректной оценки этих данных надо учитывать общий вес эпистолярного блока в структуре каждого подкорпуса. Он различается, но не так заметно, как приведенные выше данные. В XVIII в. письма составляют 4,8 % от объема общего и поэтического корпусов, в первой трети XIX в. — 7,5 %. Если перенормировать приведенные выше данные, исходя из равных процентов, окажется, что относительный вес эпистолярного блока во вхождениях *авось* вырастает в 2,2 раза.

Таблица 1

Распределение вхождений *авось* по семантическим кластерам в XVIII в. и в 1800–1834 гг. (в % от общего числа вхождений в соответствующий подкорпус НКРЯ)

	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	C1	C2
XVIII в.	42,4	0	0	28,8	1,7	0	0	22	0
1800–1834 гг.	63,1	0,4	1,5	10,4	1,9	0,4	2,3	18,1	0,8

Обобщая, можно сказать, что в первой трети XIX в. слово *авось* закрепляется в письменном языке, теряя свой просторечный статус и активно используясь уже как элемент авторской речи, в первую очередь в переписке. Лексический комплекс пополняется конструкцией *на авось*, отсутствующей, насколько мне известно, в XVIII в. Если исходить из контекстов, то в целом распределение по первой трети XIX в. соответствует распределению XVIII в. (результаты представлены в Таблице 1). Доминируют контексты **A1**, **C1** и **A4**. Контексты группы **B** крайне редки, хотя они уже появляются в XIX в. Важно отметить, что в этот период создаются интерпретации *авось*, в которых оно связывается как с безрассудной активностью, не опирающейся на рациональный расчет, так и с пассивностью, связанной с недооценкой опасности ситуации и нежеланием преодолевать ее[22]. Эти возможности представлены в баснях И. А. Крылова «Мыши» и «Лиса», фрагменты которых приводятся ниже:

(33) *«Сестрица! знаешь ли, беда! —*
На корабле Мышь Мыши говорила, —
Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть не хватила
До самого мне рыла.
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
И что диковинки — наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все — один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
……

[22] Отказ от калькуляции рисков, являющийся важной чертой интерпретаций *авось*, коррелирует с представлениями о «контекстном мышлении» русского человека, также разрабатываемыми в первой и второй трети XIX в. Речь идет о сознательном отказе от планирования своих действий и установке на принятие решений «по ситуации». Об этом пишет Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», а также Л. Н. Толстой в «Войне и мире», когда характеризует национальные типы самоуверенности и противопоставляет взгляды Кутузова на принципы ведения боевых действий взглядам немецкого генерала Пфуля (см. [Глебкин 2019: 421]).

Сестрица! неужли нам гибнуть с ними вместе!
Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
***Авось** не далеко земля!»*
Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
И — утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел и невредим.
(И. А. Крылов. Мыши (1832));

(34) *Зимой, ранехонько, близ жила,*
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
Но — кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примерз.
Беда невелика, легко б ее поправить:
Рвануться только посильней.
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей.
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
*А между тем **авось** и оттепель придет,*
Так хвост от проруби оттает.
Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает...
(И. А. Крылов. Лиса (1832)).

Заключение

Анализ семантической эволюции лексического комплекса *авось* со второй трети XIX по начало XXI в. требует отдельного исследования. Однако, чтобы придать данной статье законченный характер, имеет смысл наметить контуры последующих изменений, а также выделить инварианты, остановившись на двух моментах.

Первый из них касается использования конструкций, входящих в лексический комплекс *авось*, в паремиях. Авторы, пишущие об *авось* (см. [Николина 1993: 157; Шмелев 2021: 241]), часто обращаются к пословицам, собранным Владимиром Ивановичем Далем, например:

(35) *Русский крепок на трех сваях: **авось**, небось да как-нибудь*;
(36) *Русский на **авось** и взрос.*

Они рассматривают эти примеры как отражение представления о том, что слово *авось* является значимой чертой «русского национального характера», важным маркером «русской ментальности». Вместе с тем использо-

вание паремий для подобного рода анализа порождает целый ряд методологических вопросов. В отличие от корпусов текстов, где нормой является наличие у текста автора и времени создания, паремии во многих работах рассматриваются как элемент народной культуры, для которой некорректны ни вопрос об авторстве, ни вопрос о датировке (даже приблизительной)[23]. По умолчанию считается, что они характеризуют речь простого народа, отличную от речи образованных слоев. Показательна в связи с этим позиция самого В. И. Даля, сформулированная им в предисловии к сборнику: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадаются слабые, искалеченные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в *хорошем* обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплеку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намек весь выходит наружу» [Даль 1862: 5][24].

По умолчанию предполагается, что в паремиях мировоззрение и речь народа сохраняются на протяжении веков и не испытывают влияния письменного языка, языка «просвещенного общества». Оба эти предположения могут быть поставлены под сомнение на материале семантической истории слова *авось*. Не имея возможности обсуждать этот вопрос в деталях, хотелось бы обратить внимание на следующие факты. В первом, пожалуй, крупном собрании русских пословиц, собранном Антоном Алексеевичем Барсовым и изданном в 1770 г. [Барсов 1770], слово *авось* не встречается. В следующем за ним по времени собрании Дмитрия Максимовича Княжевича [Княжевич 1822] слово *авось* присутствует только в четырех паремиях, причем исключительно как дискурсивная частица, см. (37)–(40):

(37) *Живи, ни о чем не тужи; а все проживешь* ***авось*** *еще наживешь*;
(38) *Не тужи,* ***авось*** *наживешь ременные гужи*;
(39) *Ехал да не доехал, опять поедем,* ***авось*** *доедем*;
(40) *До того доживем,* ***авось*** *еще наживем.*

[23] Такой взгляд, в частности, является общим местом для большого массива работ, выполненных в рамках направления, маркируемого как «лингвокультурология» (например, [Красс 2000; Кузнецова 2005; Голембовская 2014]).

[24] Следует отметить непрозрачность методологии, на которую опирался В. И. Даль, выбирая паремии для сборника. Неясно, кто выступал для него в качестве информанта, какова распространенность записанных им паремий. Описание аналитических процедур заменяется у В. И. Даля опорой на собственную интуицию, на образ «народа», каким он сформировался в его сознании.

В собрании Ивана Михайловича Снегирева [Снегирев 1848] паремий с *авось* уже 16, причем в двух случаях встречается наречие *на авось* ((41)–(42)) и в двух (в дополнениях к словарю) появляется субстантивация ((43)–(44)).

(41) ***На авось*** *города брать, да как-нибудь век скоротать*;
(42) *Кто делает все* ***на авось****, у того все хоть брось*;
(43) ***Авось*** *и как-нибудь до добра не доведут*;
(44) ***Авоська*** *веревку вьет, небоська петлю накидывает.*

И наконец, в сборнике В. И. Даля представлено 29 паремий с *авось*, из которых в 13 случаях имеет место субстантивация и, кроме того, появляются такие дериваты, как *авосьничает*, *авосьник*, см.:

(45) *Кто* ***авосьничает****, тот и постничает*;
(46) *С* ***авосьником*** *нехотя согрешишь*.

При всех очевидных оговорках (у авторов сборников различались принципы отбора материала, критерии его включения в сборник и т. д.) можно отметить, что и частота употребления *авось* в паремиях, и степень произвольности этого употребления (субстантивация, возникновение наречной формы *на авось*, появление таких дериватов, как *авоська*, *авосьничает*, *авосьник*) возрастают вслед за похожими процессами в письменном языке, т. е. изменяются со временем и, с заметной долей вероятности, представляют собой реакцию на интерпретации И. М. Долгорукова и других, вызвавшие соответствующие изменения в употреблении слова в письменных текстах и речи образованного сословия[25].

Второй момент, который необходимо кратко обозначить, — это использование основных конструкций, входящих в лексический комплекс *авось* (дискурсивное слово, его субстантиват и наречная конструкция *на авось*), в современном письменном языке. Подкорпус 1950–2020 гг. основного корпуса НКРЯ дает 1153 вхождения *авось*[26]. Я проанализировал 290 из

[25] Создается впечатление, что похожая картина имеет место и на материале диалектных словарей. Так, в «Словаре русских народных говоров» приводится значительное число дериватов *авось* (*авосеев*, *авоська*, *авоськать*, *авосьник*, *авосьница*, *авосьничать*) и примеров субстантивации, но самые ранние из них датируются серединой XIX в. [Словарь говоров 1965: 198–199]. Я признателен Денису Мочульскому, обратившему мое внимание на этот факт.

[26] Некоторые исследователи утверждают, что слово *авось* теряет свою значимость в современном языке, употребляясь «преимущественно цитатно или иронически» [Шмелев и др. 2012: 300] (ср. Николина 1993: 158]). Это утверждение требует дополнительного анализа. Так, согласно данным Google Books Ngram, частота вхождений слова *авось* уменьшается в 2,12 раза в период с 1950 по 1970 г. и увеличивается в 2,25 раза в период с 1970 по 2017 г. Если сравнить частоту вхождений в корпус в 2017 г. с максимальной частотой вхождений (достигнутой в 1843 г.), то она оказывается меньше ее в 1,7 раза. Другими словами, радикального уменьшения частоты вхождений не происходит. Данные НКРЯ другие (от 1900 к 2000 г.

них, выбранных случайным образом[27]. Следует отметить возросшее разнообразие речевых жанров, в которых употребляется *авось*, и, в частности, заметное возрастание использования *авось* в авторской речи (в расширенном понимании, включая авторскую речь в литературных произведениях и публицистике, эпистолярный жанр и различные формы автобиографического нарратива), в результате чего этот регистр оказывается сопоставимым с употреблением *авось* в диалогах (авторская речь — 31,7 %, диалоги — 38,6 %).

Результаты распределения по кластерам представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение вхождений *авось* по семантическим кластерам в 1950–2020 гг. (в % от общего числа вхождений в соответствующий подкорпус основного корпуса НКРЯ)

	A1	A2	A3	A4	B1	B2	B3	C1	C2
1950–2020 гг.	48,3	1,7	9,7	3,4	6,9	4,5	2,8	18,3	3,8

Сравнение с данными Таблицы 1 показывает, что общие рамки семантической структуры, сформированной в первой трети XIX в., сохраняются и в современном языке: кластеры **A1** и **C1** заметно превосходят остальные кластеры по частотности, и в целом вес кластеров группы **A** почти в 4,5 раза превосходит вес кластеров группы **B**. Другими словами, приводимое во введении утверждение ряда лингвистов, что пассивное *авось*, предполагающее отказ от действия, связанный с недооценкой опасности ситуации, превосходит по значимости активное *авось*, отражающее установку на действие без предварительной оценки связанных с этим действием рисков, требует дополнительных уточнений и, если исходить из прямой корреляции между значимостью и частотностью, кажется не соответствующим действительности.

Из существенных изменений следует отметить возрастание частотности наречной формы *на авось* (с 1,5 % до 9,7 %), падение частотности кластера **A4**, репрезентирующего «альтруистическую» версию *авось* (с 10,4 % до 3,4 %), а также возрастание общего веса группы кластеров **B** (с 4,6 %

частота вхождений уменьшается где-то в три раза, а отношение максимальной частоты (1833 г.) к частоте в начале 2000-х равно примерно восьми), но надо учитывать, что подкорпус Google Books за XIX в. более чем в 22 раза превосходит соответствующий подкорпус НКРЯ, а подкорпус за XX в. — в 315 раз. Также авторами не приводится каких-либо подсчетов, подтверждающих, что «слово употребляется преимущественно цитатно или иронически».

[27] Если исходить из гипотезы независимости и равной значимости отдельных вхождений, такая выборка дает доверительную вероятность 95 % и доверительный интервал 5 %.

до 14,2 %), вызванное, вероятно, проникновением интерпретаций в повседневный язык (см., например, (1)). Однако, повторюсь, эти тенденции и их причины требуют отдельного исследования.

Источники и словари

Барсов 1770 — А. А. Барсов. Собрание 4291 древних русских пословиц. М., 1770.

Гейм 1798 — И. А. Гейм. Словарь немецко-российский и российско-немецкий. Рига; Лейпциг, 1798.

Голиков 1838 — И. И. Голиков. Деяния Петра Великого… Т. 6. М., 1838.

Даль 1862 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862.

Дмитриев 1967 — И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений. Л., 1967.

Долгоруков 2004 — И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем… Т. 1. СПб., 2004.

Друг просвещения 1806 — Друг просвещения. Ч. 2. М., 1806.

Кантемир 2004 — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. 1–2. М., 2004.

Княжевич 1822 — Д. М. Княжевич. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822.

Кудрявцев 1772 — И. Кудрявцев. Собрание Достопамятностей или Плоды уединения. СПб., 1772.

Поэты-сатирики 1959 — Поэты сатирики конца XVIII — начала XIX вв. Л., 1959.

Пушкин 1977–1979 — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979.

САР — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.

Словарь говоров 1965 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.

Снегирев 1848 — И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

Соц 1787 — И. В. Соц. Новый лексикон или словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках. Ч. 2. М., 1787.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–.

Литература

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Еще раз о русском *авось* // Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 333–339.

Глебкин 2007 — В. В. Глебкин. Мещанство // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1312–1314.

Глебкин 2007а — В. В. Глебкин. Пошлость // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 242–244.

Глебкин 2012 — В. В. Глебкин. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Глебкин 2014 — В. В. Глебкин. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.

Глебкин 2016 — В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса *философия* в текстах русской культуры XVIII в. // *Ya evaṃ veda*… Кто так знает… Памяти Владимира Николаевича Романова. М.: РГГУ, 2016. С. 191–210.

Глебкин 2018 — В. В. Глебкин. Категории русской культуры XVIII–XX вв. Скука. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Глебкин 2019 — В. В. Глебкин. Генезис и структура лексического комплекса «авантюра» // Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации. М.: Издательский дом «Дело», 2019. С. 408–424.

Голембовская 2014 — Н. Г. Голембовская. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

Живов 2007 — В. М. Живов. Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 7–51.

Зализняк и др. 2012 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Кошелев 2011 — В. А. Кошелев. «Авось, дороги нам исправят…»: о семантике «десятой главы» «Евгения Онегина» // Русская литература. 2011. № 2. С. 107–119.

Красс 2000 — Н. А. Красс. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии). Дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2000.

Кузнецова 2005 — Л. Э. Кузнецова. Любовь как лингвокультуральный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

Мещерский 1999 — Н. А. Мещерский. О слове *шиболет* у Пушкина // Русский язык конца XVIII — начала XIX века. СПб.: Институт лингвистических исследований, 1999. С. 117–120.

Николина 1993 — Н. А. Николина. Семантика и функции слова «авось» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: МГПУ им. В. И. Ленина, 1993. С. 157–168.

Разлогова 1998 — Е. Э. Разлогова. *Авось* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 319–325.

Шмелев 2021 — А. Д. Шмелев. Русские авось и небось revisited // Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 241–270.

Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.

Статья получена 02.04.2022

Vladimir V. Glebkin
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
School 1514
(Moscow, Russia)
gleb1514@gmail.com

SEMANTIC TRAJECTORY OF THE WORD *AVOS'* IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE 18TH AND THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES

Although various aspects of the semantic structure and use of the discursive word *avos'* and its derivatives have long attracted the attention of linguists, its semantic history and, in particular, the way how *avos'* became a language-specific word that designates basic properties of "the Russian soul", remains largely unclear. The article deals with the early period of this history and scrutinizes the emergence of the first interpretations of the word *avos'*. It demonstrates that Ivan Mikhailovich Dolgorukov's poem *Avos'* played an important role in the semantic transformation of the word, in particular influencing Pushkin's use of it. Basing on a statistical analysis of the Russian National Corpus data, the conclusion is made that "passive" contexts with *avos'*, describing abstention from action in hope that the situation will settle on its own, are much less frequent than "active" contexts, depicting an eagerness to act without calculating the risks, relying on a favorable outcome of events.

Keywords: *avos'*; interpretations; the level of everyday use; Ivan Mikhailovich Dolgorukov; Alexander Pushkin

References

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*. Moscow: Indrik.

Glebkin, V. V. (2007a). Meshchanstvo. In S. Ya. Levit (Ed.), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 1, pp. 1312–1314). Moscow: ROSSPEN.

Glebkin, V. V. (2007b). Poshlost'. In S. Ya. Levit (Ed.), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 2, pp. 242–244). Moscow: ROSSPEN.

Glebkin, V. V. (2012). *Leksicheskaia semantika: kul'turno-istoricheskii podkhod*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izoliatsionizma k sotsiokul'turnym modeliam*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2016). Struktura leksicheskogo kompleksa filosofiia v tekstakh russkoi kul'tury XVIII v. In I. S. Smirnov, & N. Yu. Chalisova (Eds.), *Ya evaṃ veda… Kto tak znaet… Pamiati Vladimira Nikolaevicha Romanova* (pp. 191–210). Moscow: RGGU.

Glebkin, V. V. (2018). *Kategorii russkoi kul'tury XVIII–XX vv. Skuka*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Glebkin, V. V. (2019). Genezis i struktura leksicheskogo kompleksa «avantiura». In M. S. Nekliudova (Ed.), *Russkaia avantiura: identichnosti, proekty, reprezentatsii* (pp. 408–424). Moscow: Delo.

Golembovskaia, N. G. (2014). *Lingvokul'turnye antinomii v russkikh i litovskikh paremiiakh* (doctoral dissertation). Volgograd State University, Volgograd.

Koshelev, V. A. (2011). «Avos', dorogi nam ispraviat…»: o semantike «desiatoi glavy» «Evgeniia Onegina». *Russkaia literatura, 2*, 107–119.

Krass, N. A. (2000). *Kontsept dereva v leksiko-frazeologicheskoi semantike russkogo iazyka (na materiale mifologii, fol'klora i poezii)* (doctoral dissertation). People's Friendship University of Russia, Moscow.

Kuznetsova, L. E. (2005). Liubov' kak lingvokul'tural'nyi emotsional'nyi kontsept: assotsiativnyi i gendernyi aspekty (doctoral dissertation). Kuban State Technological University, Krasnodar.

Meshcherskii, N. A. (1999). O slove *shibolet* u Pushkina. In Z. M. Petrova (Ed.), *Russkii iazyk kontsa XVIII — nachala XIX veka* (pp. 117–120). St Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanii.

Nikolina, N. A. (1993). Semantika i funktsii slova «avos'» v sovremennom russkom iazyke. In V. V. Babaitseva (Ed.), *Mnogoaspektnost' sintaksicheskikh edinits* (pp. 157–168). Moscow: MGPU im. V. I. Lenina.

Razlogova, E. E. (1998). *Avos'*. In K. Kiseleva, & D. Paillard (Eds.), *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia* (pp. 319–325). Moscow: Metatekst.

Shmelev, A. D. (2021). Russkie avos' i nebos' revisited. In Anna A. Zalizniak, & A. D. Shmelev, *Issledovaniia po russkoi i komparativnoi semantike* (pp. 241–270). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press.

Zalizniak, Anna A., Levontina, I. B., & Shmelev, A. D. (2012). *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zhivov, V. M. (2007). Iazyk i stil' A. P. Sumarokova. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii, 1*, 7–51.

Received on April 2, 2022